

3. Барановский, Е. И. Награду ждали 30 лет / Е. И. Барановский // Вечерний Минск. – 2003. – 16 янв.
4. Личный архив Е. И. Барановского.
5. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – Смоленск, 2001.
6. НАРБ. – Ф. 4683. – Оп. 3. – Д. 656.
7. К вопросу о партийном подполье в г. Минске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.) // Личный архив Е. И. Барановского.
8. О партийном подполье в Минске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944 гг.). – Минск, 1961.
9. Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944). – Минск, 1961.
10. Личный архив Е. И. Барановского.
11. НАРБ. – Ф. 4386. – Оп. 2. – Д. 156.
12. НАРБ. – Ф. 4386. – Оп. 2. – Д. 170.
13. Доморад, К. И. Партийное подполье и партизанское движение в Минской области. 1941–1944 / К. И. Домарад. – Минск, 1992.
14. Мінскае антыфашысцкае падполле. – Мінск, 1995.
15. Минское подполье: Рукопись дополнительного исследования истории Минского подполья / коллектив авторов под рук. д-ра истор.наук зам директора Института истории партии при ЦК КПБ А. А. Филимонова // Личный архив Е. И. Барановского.

О. В. Бригадина

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ СОВЕТСКОГО ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Эвакуация из прифронтовой зоны началась в первые дни войны. В Поволжье, на Урал, в Западную Сибирь и Среднюю Азию в первую очередь требовалось перебазировать предприятия оборонного комплекса, большая часть которых до войны размещалась в европейской части СССР. Вместе с оборудованием заводов эвакуировалась часть рабочих, чтобы на новом месте начать монтаж оборудования и в максимально краткие сроки возобновить выпуск продукции. За вторую половину 1941 г. в глубь страны было вывезено 7 млн 417 тыс. человек. К осени 1942 г. число эвакуированных достигло 11 млн человек [1, с. 95].

Ритм повседневной жизни в советском тылу во многом определялся режимом труда по законам военного времени. В крайне неблагоприятных условиях руководству страны предстояло перестроить работу тыла, чтобы создать дееспособную экономику и организовать систематическое снабжение фронта. Необходимо было привлечь на предприятия тысячи людей, закрепить их на долгий срок, дать им квалификацию, обеспечить необходимым для жизни. Еще в предвоенные годы был сделан первый шаг

по созданию мобилизационной экономики с элементами принудительного труда. Указом от 26 июня 1940 г. власть законодательно прикрепила рабочих к предприятию, запретив увольнения и установив уголовную ответственность за опоздания на работу и отсутствие на рабочем месте. С началом войны на основе данного указа стали появляться и другие правовые акты, многократно усиливающие ответственность рабочих, главным образом – за попытки самовольно уйти с предприятия. «В целях обеспечения выполнения производственных заданий, связанных с нуждами военного времени», – отмечалось в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. – вводились сверхурочные работы продолжительностью от 1 до 3 часов в день, для молодежи до 16 лет – не более двух часов. Гарантировался полуторный размер заработной платы за сверхурочные работы, а также денежная компенсация за неиспользованные отпуска. Льготный режим предоставлен был лишь беременным женщинам, матерям с детьми до 6 месяцев и больным [2, с. 37–38]. 26 декабря 1941 г. был издан Указ о введении военного положения на предприятиях, связанных с оборонным производством. Самовольно ушедшие с работы считались «дезертирами трудового фронта» и наказывались заключением в исправительные лагеря и колонии на срок от 5 до 8 лет. Если в результате допущенной халатности на производстве случались крупные аварии, то виновные приговаривались к расстрелу. Еще 22 июня 1941 г. было разработано «Положение о военных трибуналах, действующих в местностях, объявленных на военном положении и в районах военных действий». Позднее трибуналы были созданы почти по всей стране, на многих промышленных предприятиях. Изменения в системе социально-правовых отношений были закреплены Указом Верховного Совета СССР от 13 февраля 1942 г. о введении в стране всеобщей трудовой повинности. Была объявлена мобилизация мужчин от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет для работы на военных заводах. За счет невоеннообязанных было дополнительно привлечено к труду около 12 млн человек, преимущественно за счет женщин и допризывной молодежи. Число женщин, занятых в черной металлургии, к 1945 г. возросло до 38,5 %. Примерно 2,1 млн молодых людей были призваны в школы трудовых резервов [3, с. 48].

Рабочие и служащие прикреплялись к предприятиям и не могли их покинуть самовольно. Если мобилизованный после вручения ему повестки не являлся на место назначения, он привлекался к суду по статье 5 Указа от 16 февраля 1942 г. (исправительно-трудовые работы сроком до 1 года), а за неявку на работу после зачисления в штат предприятия отвечал по Указу от 26 июня 1940 г. или Указу от 26 декабря 1941 г. Директора предприятий обязаны были вести строгий персональный учет кадров, изымать у всех рабочих и служащих паспорта, заменив их специальными удостоверениями. С 1943 г. их могли привлечь к уголовной ответственности за халатность. Часто члены одной семьи, работающие в разных населенных пунктах, смогли объединиться только после окончания войны.

Вступление в силу особых правовых актов о трудовой дисциплине оказало большое влияние на все сферы повседневной жизни. Значительно возросла роль милиции, которая обязана была разыскивать и задерживать беглецов с предприятий, регулярно проверять документы у населения. Атмосфера повседневной жизни тыловых городов и поселков напоминала тревожные условия прифронтовой полосы. Приметой времени стали специальные рейды на рынках, вокзалах, городских парках. Органы милиции имели право проводить массовую проверку документов в квартирах граждан, дезертиров искали на речных пристанях, в лесах, проверяли землянки, кордоны, пасеки [4, с. 74]. Помощь милиции оказывали «бригады милиции» – бригады содействия милиции из числа комсомольцев и рабочих активистов. Меры наказания были разными. Кроме лишения свободы от 5 до 7 лет на практике применялось условное наказание для несовершеннолетних при смягчающих обстоятельствах: тяжелое материальное положение или если близкие родственники были на фронте. Если рабочего, самовольно оставившего предприятие, невозможно было разыскать, действовало заочное осуждение. Удавалось найти 4–5 % заочно осужденных из числа бежавших [3, с. 76]. К 1944 г. в бегах находилось около 200 тыс. «трудовых дезертиров», осужденных заочно. Президиум Верховного Совета СССР от 30 декабря 1944 г. объявил амнистию лицам, которые добровольно вернутся на производство.

Значительная часть беглецов состояла из молодых рабочих, окончивших школы ФЗО и ремесленные училища. Они оправдывали свой уход с предприятия невыносимыми материально-бытовыми условиями, тревогой за родителей, оставшихся без помощи, состоянием здоровья. В качестве доказательств предъявляли больничные листы, письма родственников и соседей. Лишь в 1944 г. подросткам моложе 16 лет, работающим на производстве, был предоставлен один день отдыха в неделю и 12-дневный отпуск.

Чтобы выжить в условиях бытовой неустроенности и полуголодного существования, многим приходилось рассчитывать только на себя. В последнее время опубликовано немало свидетельств людей, работавших в военные годы в тылу. Анализ писем, прошедших цензуру НКВД по Архангельской области, дает основание говорить о сложных условиях адаптации к новым условиям жизни многих мобилизованных. Прежде всего речь идет о продовольственном обеспечении: «...кормили в обед сваренным смородиновым листом, а на второе костями от тресковой головы, ... положенная норма хлеба выдавалась не постоянно – часто через три дня». Из-за скудного питания и неприспособленности для жилья помещений многие болели, но рабочих одного из архангельских лесозаводов принуждали выходить на работу при любом состоянии: «... едва хожу, руки и ноги не слушают». Нарушались сроки трудовой повинности, часто завышались ежедневные нормы выработки. Отсутствие опыта и несоблюдение техники безопасности были причинами несчастных случаев на производстве. В результате многие «ударялись в бега», «готовы были совершить прогул и

попасть в тюрьму на небольшой срок, только бы избежать этой работы» [5]. О сложных условиях жизни в эвакуации вспоминал и академик-историк Ю.А. Поляков. В Свердловске студенты параллельно с учебой в Уральском индустриальном институте трудились подсобными рабочими на заводе по выпуску снарядов для «катюш». «Брезентово-резиновые ботинки на обмотанных газетами ногах делали эту работу очень тяжелой, на суровом уральском морозе они деревенели через 10 минут. Да и питание было очень скудным: кусочек соленой рыбы в супе, мороженая картошка и капуста, но мы не жаловались» [6, с. 159]. Нарком НКВД Л. П. Берия в своей докладной записке в ГКО СССР от 21 августа 1943 г. вынужден был констатировать, что в «Алтайском крае в результате недорода население ряда районов испытывает чрезвычайные продовольственные трудности. Отмечаются случаи употребления в пищу падали, кошек и собак ... зарегистрировано значительное количество смертных случаев от истощения» [7, с. 145]. Подтверждением официальной информации служит письмо на фронт из одной российской деревни: «Живем очень плохо. Я теперь хожу по мякинам, сколько натру, то и едим. Не едим по неделе – пятидневке. Когда лошадь пропадает, мы ее растаскиваем и едим. Это немыслимо, что мы дошли до пропастины» [5]. Многие люди готовы были за еду практически на любую работу.

С началом войны в стране была введена карточная система распределения. В июле 1941 г. по постановлению СНК СССР карточки на продовольствие и промышленные товары были введены в Москве и Ленинграде, а затем и повсеместно в тылу. Постепенно распределительная система становилась все более дифференцированной. Наиболее высокие нормы выдачи хлеба распространялись на лиц, имевших рабочую карточку, но даже льготное снабжение подразделялось на ряд категорий – карточки и талоны с литерой «А», «Б» и т.д. в зависимости от приоритетов. Людям, занятым на оборонных предприятиях, полагалось по нормам 1941 г. 800 г хлеба в день; иждивенцам и детям до 2 лет – по 400 г. В Ленинграде по рабочим карточкам выдавали 250 г хлеба, остальным – 125 «блокадных грамм с огнем и кровью пополам». Чтобы избежать массового голода в стране, было принято специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКПб от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочим и служащим». Населению было предоставлено право пользоваться приусадебными участками в размере 0, 15 га, при этом оно обязано было часть урожая сдавать государству [8, с. 723].

Характерной чертой военной повседневности был товарный голод. В свободной продаже не было самых простых вещей. По постановлению СНК СССР от 18 июля 1941 г. вводились специальные купоны: по 125 – для рабочих и ИТР, по 100 – для служащих и по 80 – для иждивенцев, включая детей и учащихся. По купонам можно было приобрести в госторговле «хлопчатобумажные ткани, швейные товары, обувь...», по одному куску хозяйственного и туалетного мыла ежемесячно» [2, с. 42–43]. Население

выручал «черный рынок» и разного рода барахолки. Государство пошло на расширение рыночных элементов в торговле. Появилась сеть комиссионных магазинов, торгующих по коммерческим ценам. Было разрешено скупать и продавать драгоценности и художественные изделия. Колхозники получили право продавать свою продукцию на рынке, доля которой увеличилась с 14 % в 1940 г. до 46 % в 1944 г. [3, с. 49].

Остро стояла проблема с жильем. Местное население тыла столкнулось с необходимостью подселения эвакуированных, что, конечно, нарушало привычный уклад жизни. СНК СССР в постановлении от 13 сентября 1941 г. поручил местным властям «развернуть строительство жилых помещений упрощенного типа – общежитий, барачных, казарм, полужемлянок». Было разрешено выдавать рабочим и служащим эвакуированных предприятий долгосрочный кредит на индивидуальное жилищное строительство. Население привлекалось к строительным работам «в порядке трудовой повинности» [2, с. 50–51]. Проблемы существовали даже на крупных оборонных предприятиях, введенных в строй в невероятной спешке, без соответствующей инфраструктуры. На комбинате № 179 наркомата боеприпасов в Новосибирске к лету 1944 г. 40 % рабочих жили в общежитиях, малоприспособленных для жилья. Официальная проверка выявила, что «оборудованы общежития главным образом деревянными топчанами, часть из них двухъярусные, железные кровати имеются только в общежитиях инженерно-технических работников... Некоторые рабочие живут в общих комнатах казарменного типа от 50 до 100 человек» [4, с. 77].

На повседневную жизнь влияли изменения финансовой политики государства. На оборону страны были направлены бюджетные резервы, свободные средства госпредприятий, доходы от коммерческой торговли. Произошли изменения и в налоговой сфере. В 1941 г. были установлены военные надбавки к подоходному и сельхозналогу, которые в 1942 г. были заменены военным налогом. В ноябре 1941 г. был введен налог на холостяков и бездетных граждан. Среди населения были распространены государственные займы на сумму 9 млрд рублей, что почти вдвое превышало довоенный объем.

Одной из форм помощи населения фронту были денежно-вещевые лотереи. За 1941–1944 гг. было проведено 4 такие акции, прибыль оценивалась в 1,2 млрд рублей. Значительные средства были получены также за счет денежной компенсации за отпуска, перечисляемые с весны 1942 г. на вклады в сберкассах. До января 1944 г. существовали ограничения по выдаче вкладов населению. По каждой сберкнижке выплачивалось не более двухсот рублей в месяц, однако за вкладчиком сохранялось право воспотребовать эту сумму позднее. В сберкассах был организован прием добровольных взносов от населения в Фонд обороны и Фонд Красной армии. До конца 1943 г. в Фонд обороны, например, поступило 1,2 млрд рублей, не считая натуральных взносов в виде продуктов, вещей, драгоценностей и т.д. Общая сумма

поступлений по налогам и добровольным взносам за годы войны составила 27 млрд рублей (26,4 % госбюджета) [9, с. 142].

Примером добровольной помощи фронту стал поступок пчеловода хутора Степной Саратовской области Ф. П. Головатова, который осенью 1942 г. привез в обком партии «мешок с пачками денег» и отдал их на покупку самолета. На истребителе была сделана дарственная надпись, экипаж самолета под командованием майора Б. Н. Еремина успешно воевал под Сталинградом. Массовыми стали сборы средств на создание танковых колонн. В этом патриотическом движении участвовало население практически всех регионов страны. Из Казахстана было перечислено 470 млн рублей, из Узбекистана – 365 млн рублей, Московской области – 209 млн рублей, Свердловской области – 195 млн рублей и т.д. [9, с. 142].

Безусловно, война радикально изменила жизнь людей. Приметами военного быта стали вой сирен воздушной тревоги, затемнения, встревоженные лица, продовольственные карточки. Однако меры, направленные на отражение агрессии, у большинства находили понимание. Были, конечно, и трусы, и предатели, и дезертиры, много испуганных людей, но не они определяли массовые настроения в обществе. Даже в повседневной жизни было место маленькому подвигу, цена которого осознается только сейчас. Свидетельством этому, например, стало решение служащей завода «Электромотор» в Томске В. В. Апраксиной отдать семейную реликвию – дорогие бриллиантовые серьги – на ремонт станков для разрезки металла: «мастера вынули алмазы, зачеканили в резцы, цех продолжал работать» [7, с. 140]. В самый трудный, неурожайный для Сибири 1943 год, когда «люди весной варили в чугушке то крапиву, то лебеду», одна из женщин местного колхоза в Томской области в ответ на жалобы своих подруг сказала: «Слезамі делу не поможеш, до Берлина еще далеко, солдат кормить надо...» [7, с. 145]. По мнению историка А. К. Соколова, «до сих пор остаются загадкой трудовые рекорды в советском тылу, намного превосходившие достижения довоенных стахановцев». За годы войны средние нормы выработки на оборонных предприятиях были увеличены в 5–10 раз. Рабочих, которые их устанавливали, называли «двухсоттысячниками», «пятисоттысячниками» и т.д. [10, с. 57]. Очевидно, свой личный вклад в победу был необходим для большинства населения несмотря на все тяготы повседневного быта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щавлинский, Н. Б. Советский тыл и его вклад в победу над фашистской Германией / Н. Б. Щавлинский // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : у 2 т. / рэдкал. : А. А. Каваленя, С. Я. Новікаў. – Мінск : МДПУ, 2012. – Т. 1. – Вып. 10. – 224 с.

2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.): сб. документов за 50 лет: в 5 т. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. – М.: Политиздат, 1968. – Т. 3 (1941–1952 гг.). – 751 с.
3. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда / отв. ред Л. И. Бородин [и др.]. – М.: РОССПЭН, 2008. – 320 с.
4. Папов, С. А. Карательное правосудие на трудовом фронте СССР в 1941–1945 гг. / С. А. Попов // Вопр. истории. – 2011. – № 12. – С. 72–81.
5. Беличенко, С. «Недавно я попала ...» Повседневность тружеников архангельского тыла / С. Беличенко // Родина. – 2010. – № 6. – С. 84.
6. Жиромская, В. Б. Академик Ю. А. Поляков. Жизнь и творчество / В. Б. Жиромская // Новая и новейшая история. – 2013. – № 6. – С. 157–161.
7. Кузнецов, И. С. Российская повседневность в сталинскую эпоху / И. С. Кузнецов. – Новосибирск: НГУ, 2012. – 181 с.
8. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам: сб. документов: в 3 т. / сост. В. И. Малинин, А. В. Коробов. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 1 (1929–1945 гг.). – 828 с.
9. Зверев, А. Г. Сталин и деньги: Воспоминания / А. Г. Зверев. – М.: Алгоритм, 2012. – 272 с.
10. Соколов, А. К. Курс советской истории. 1941–1991 / А. К. Соколов, В. С. Тяжелникова. – М.: Высш. шк. 1999. – 414 с.

Я. П. Бязлепкін

ПРАЦА ДЖ. ФІШЭРА «САВЕЦКАЯ АПАЗІЦЫЯ СТАЛІНУ Ў ГАДЫ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ» ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ КАЛАБАРАЦЫІ НА АКУПАВАНАЙ ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ГАДЫ ВЯЛКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Пасля заканчэння Другой сусветнай вайны гісторыя калабарацыі стала адной з найбольш папулярных тэм у замежнай гістарыяграфіі. Сярод асноўных прычын варта адзначыць пачатак «халоднай вайны», калі былі актуалізаваны найбольш спрэчныя пытанні адносінаў паміж СССР і заходнімі краінамі, наяўнасць вялікай колькасці эмігрантаў з Савецкага Саюза, многія з якіх прытрымліваліся антысавецкіх поглядаў, а таксама адносную даступнасць інфармацыі (пераважна мемуарнага характару) пра дзейнасць прагерманскіх арганізацый.

Сваю ролю ў павышэнні інтарэса да гэтай тэмы адыгралі і міжнародныя трыбуналы над былымі нацысцкімі злачынцамі, якія прайшлі ў другой палове 1940-х гг. У 1946–1948 гг. было апублікавана шматтомнае выданне «Нацысцкая змова і агрэсія», у 1947–1949 гг. – «Суд над асноўнымі